

Николай КАРПИН

г. Петрозаводск

МОИ ПОРОБОЗЕРСКИЕ ГЕРОИ

От автора

С маленькой точки на карте – карельского посёлка Поросозеро – для меня начался огромный мир. Здесь я родился, здесь был счастлив. Отсюда путеводный клубок увёл меня, годами мотал по свету, но сюда же и вернул, когда я убедился, как важно не терять связь со своими корнями. Суоярвская земля стала моей судьбой.

От города Суоярви до посёлка Поросозеро восемьдесят километров на север. Первое упоминание о нём датируют XVI веком. Но по-настоящему жизнь забурлила в этих местах после Великой Отечественной войны. Тогда в Поросозеро по оргнабору стали прибывать люди из разных уголков необъятной Родины. Кто добровольно, кто по принуждению – спецпереселенцами. А как звучали фамилии новых поросозерцев! Лекавичус, Милта, Олехна, Лукаша, Мариш, Трахимик, Штуро, Савченко, Хомич, Хомченко, Спельман, Матюшайтис, Петраускас, Понедилко, Сергейчик, Хусу, Кривиц-

кий, Мозоль, Бородавка, Пивоварчик, Шарифулин, Бадакшанов...

За несколько лет наш тихий, богом забытый лесной край превратился в шумную лесопромышленную зону. Мы, дети той поры, росли под стук колёс поездов, скрежет и тарахтенье трелевочного трактора, под фырчание лесовозов, выбухи топоров, под трескучий шум бензопил. А еще мы, пацаны, считавшие родным русский язык, росли под напевную карельскую речь, слышали белорусскую, литовскую, украинскую, латышскую, эстонскую, вместе со всем этим впитывали в себя забористую брань односельчан и громкие социалистические лозунги, которые раздавались из каждого утюга.

Чего только не происходило в нашем посёлке! Были у нас свои кандидаты в «Книгу рекордов Гиннеса», а ещё местные хохмачи, гераклы, кулибины или просто фантазёры и прочие самородки. На добрую память с улыбкой расскажу о нескольких замечательных поросозерцах.

MADE IN PADAN

Бывая в Аконъярви[1], Васька Попов заходил к нам. Я тогда ещё жил в посёлке. Играли с ним в шахматы на веранде. Васька – мой дальний родственник, молочный брат мужа моей двоюродной племянницы, иным словом, седьмая вода на киселе. Карелу в какого карела пальцем ни ткни – всё родня.

Прирождённый хохмач, однажды он чуть не довёл до смертного одра свою почтальоншу. Из Падан[2] на откорм ему привезли маленького кабанчика. Тот нежно похрюкивал, топоча копытцами по дощатому полу. Вася смотрел на него и всё больше влюблялся, поглаживал тёплой ладонью бочок. От вспыхнувшего чувства едва не расцеловал в мокрый пяточок хрюкающую малютку. Чувств, как видно, было не унять, и тогда чёрным фломастером он вывел длинные реснички вокруг свинячьих глазок, а на правом боку фломастером цвета морской волны подписал «MADE IN PADAN» и снова выпустил побегать. В этот самый момент, ни секундой позже, вошла в дом почтальонша с телеграммой. Кабанчик глянул на неё глазами с подведёнными ресничками, задорно хрюкнул и повернулся правым бочком. Надпись «MADE IN PADAN» вконец доконала почтового работника. Не знаю, что было бы, если б она ещё умела читать по-английски! Наверно, лопнула бы со смеху! А так почтальонша, захохотав, схватилась за животик и присела на корточки. Васька утверждал, что она лужицу припустила. Этаким паршивец, наверняка приврал!

ФАСЯ, НАЛИФАЙ!

Служил Вася Попов на Военно-Морском Флоте, в память о том на реке Суна, в широкой её протоке между островом и правым берегом, как раз напротив деревни Поросозеро, Василий накрепко воткнул в илистое дно длинный шест с Андреевским флагом.

После развала СССР у Васи нашлись родственники в Финляндии. Связи возобновились, и он пригласил их приехать на историческую родину на День Военно-Морского Флота. Прибывшую делегацию Вася сначала покатал на лодке по речным просторам Суны, затем подгрёб к военноморскому стягу и там во всю силу могучих лёгких он закричал: «Наливай!!!» Речная гладь отозвалась эхом: «Вай-вай-вай!..» Утки в камышах тревожно закричали.

Зарубежные гости послушно наполнили водкой

гранёный стакан. Хозяин стяга опрокинул его в себя, крякнул, памятуя: всяк выпьет, да не всяк крякнет. После этого Вася заставил во славу российского флота сделать то же самое родственников из Финляндии. Тех ужаснули размеры русского «гранчака», и они по очереди выпили из малюсенькой походной рюмочки.

Позднее, сойдя на берег, Вася снова крикнул: «Наливай!!!» На этот раз эхо не поддержало его клич. Памятуя знаменитое флотское «всё пропьём, но флот не опозорим», Вася выпил и гостей из-за рубежа заставил. За накрытым столом, в собственном доме, выстроенном его отцом, который считался лучшим плотником в поселке, в последний раз разнеслось Васино «наливай». Недопил, отставил стакан. Его тело медленно сползло с кондовой деревенской скамьи на пол и захрапело. Слово раненого бойца, заботливые финские товарищи подхватили и перенесли тело на кровать.

Солнечное утро разбудило хозяина дома словами: «Фася, налифай, налифай!» Это склонившиеся над Васиным изголовьем родственники из Финляндии требовали от хозяина продолжения Дня Военно-Морского Флота.

ЗАЧЕМ КАРЕЛУ КЕПКА?

Карел Николай Герасимович Мяккиев слыл самым искусным рыбаком в поселке. Он не знал, что такое сети, но рыбы в его доме всегда было навалом. Невысокий ростом, крепкий и дерзкий, он десять лет отсидел в советских лагерях. Много позже, сидя за столом и чуть заикаясь, он рассказывал мне: «Показывает следователь моё дело. Читаю – ни одного слова правды...»

Как многие фронтовики, Николай Герасимович пристрастился к спиртному. Когда был нетрезв, из него вылетал набор любимых им фраз: «Налей мне рюмку, Роза, ведь я с мороза!» Или: «Мужики с хутора, что напутали – сами разберутся!» На вопрос иному не в меру любопытствующему, чем он занимался тогда-то и тогда-то, Николай Герасимович с иронией отвечал: «На базаре порохов торговал». Для него, охотника и рыбака, такое занятие казалось просто немыслимым.

Мяккиев рыбачил на заветных лесных ламбушках, о которых, кроме него, никто не знал. Там, как он говорил, водилась самая вкусная рыба. Как и положено заядлому рыбаку, Николай Герасимович был фантазёр. Мог приврать, описывая размеры выловленной им щуки, или, не сморгнув, прибавить расстояние, с которого он её вытащил на спиннинг.

Однажды мужики за кружкой пива в поселковой столовой усомнились в его рассказе, заспорили с

ним: «Не закинешь на такое расстояние блесну! Поспорим, что не закинешь!..» Мякиева ничуть не смутило предстоящее испытание «чести и достоинства». Сходил домой за самодельным спиннингом. В катушке лески, с его слов, было около шестидесяти метров. Примерно на это же расстояние отнесли чью-то кепку и положили на землю. Испытание проходило на спортивной площадке, располагавшейся через дорогу от школы. «Секунданты» махнули Мякиеву рукой: давай! А Мякиев в ответ махнул удилищем, и блесна со свистом потерялась из вида. Солнце слепило глаза мужикам. Но блесну нашли в потрёпанной подкладке старенькой кепки. Никому из присутствующих повторить такое не удалось, как ни старались.

Не менее искусным, только в другом – в плотницком – деле был другой карел – дядя Лёша Попов, отец того самого Фаси из деревни Поросозеро. А ещё он хорошо метал топоры – зачем ему это было нужно, один бог ведаёт. Однажды Тоцкий, длинный, тощий, кадыкастый поселковый мужик, попросил дядю Лёшу показать своё искусство. Чтобы подзадорить Тоцкого, тот предложил: «Ставь свою кепку – увидишь». Тоцкому жаль новой кепки. Он и отнёс её подальше, повесил на торец бревна строящегося дома – авось не докинёт. «Да куды ему! Промахнётся!» – ехидно думал Тоцкий.

Плотницкий топор, пущенный рукой мастера, долго и, казалось, бестолково кувыркнулся в воздухе и всё же воткнулся в торец бревна, разрубил кепку. Озадаченный Тоцкий потом долго чесал затылок в недоумении, как дядя Лёша так сумел.

Лет пятьдесят прошло, да больше, как дядя Лёша срубил себе дом. До сих пор этот дом – один из лучших в деревне Поросозеро.

ВИНОГРАД И 220 ВОЛЬТ

Фигура поросозерца Толи Виноградова отличалась могучими предплечьями с непомерно огромными кистями рук на худом прогонистом торсе – бываю люди с таким сложением. Работящий, безотказный Виноград числился штатным электриком на нижнем складе в Аконъярви, слыл универсалом, собственно, как почти все сельские мужики.

Толя Виноградов готовил свои руки к работе в соответствии с выданным наряд-заданием. Если предстояла работа с микросхемами, он брал в руки нож, которым зачищал провода от изоляции, и срезал им с ороговевших пальцев толстую кожу. В такие моменты Толя ходил на коновала, занятого подрезкой копыт у лошади. После этой

процедуры он приступал к работе и, со слов окружающих, проделывал настоящие чудеса. Например, как-то срочно потребовалась пайка проводов. Паяльник, олово имелись. Не оказалось канифоли для обработки места пайки. «Не беда», – заверил Толя. Он не суетился. Электропаяльник медленно разогревался на металлическом поддоне, а Толя в это время, сидя на потрёпанном стуле, смаковал сигарету. Женщина-мастер нервно мерила бытовку шагами. Было из-за чего переживать: под угрозой срыва месячный план! Толя аккуратно стряхивал нагоревший пепел сигареты на жестяную крышку от банки, задумчиво смотрел на образовавшуюся кучку пепла. Скурил ещё сигарету. Осторожно взял в руки паяльник, запихнул его разогретое жало в рассыпанный на жестянке пепел, ткнул его в олово и запалял контакты. Успел ли Толя тогда срезать кожу с пальцев, история умалчивает.

А вообще, Толя редко колдовал над своими руками. На то была особая причина: он зачастую имел дело с напряжением в 220 вольт. И тогда на глазах у изумлённых свидетелей Толя брался за оголённые провода – электрический ток не пробивал на них толстую кожу. Она вполне заменяла ему диэлектрические перчатки.

ВЕЛОСИПЕДИСТ НА ТРАКТОРЕ

Как-то в детстве у меня пропал велосипед. Для пацана взрослый велосипед в летнюю пору – это счастье. А мой как раз пропал летом. Я страдал.

Вскоре знакомые ребята подсказали воришку. Им оказался младшеклассник Валерка из соседней деревни. Мне хотелось от души наостылять Валерке, и я имел на это право. Он, маленький, плюгавенький, смотрел не только на меня, но и на весь мир со страхом. Наверно, это остановило меня от расправы над ним. Велосипед был возвращён мне, законному владельцу, в целости и сохранности.

Февраль 2007 года. По дороге, плохо почищенной от снежных заносов, от мамы я возвращаюсь в Петрозаводск. На крутом повороте не справляюсь с управлением. Мой «Фиат» заносит, и он слетает в глубокий кювет. Проходящие уазики, «газели» бессильны вырвать нас из снежного плена. Мой буксирный трос изорван в клочья.

Дело к ночи. Я в отчаянии. Большегрузных машин, по всей видимости, больше не предвидится.

Но какое счастье! Сквозь густые хлопья падающего снега коварный поворот высвечивают фары колёсного трактора. Огромный «Кировец» с большим отвалом возвращается в Поросозеро. За-

тормозил. Один мужичок, незнакомый мне, выскочил из кабины, деловито достал свой толстый буксирный трос, зацепил «Фиат». Другой мужичок за рулём трактора дал задний ход и шутя вытащил нас из снежного плена.

Я выхожу на дорогу, горю желанием отблагодарить тракториста. А помощник мой скрывается в кабине четырёхколёсного гиганта. Затем он вернулся ко мне и, кивнув на второго, растерянно сообщил: «Не хочет брать денег».

Позже я узнал, что водителем «Кировца» оказался тот самый Валерка. Спустя тридцать семь лет он узнал меня. После случившегося захотелось сказать: «Друзья, творите добро, и оно обязательно вернётся к вам!»

ХУДОЖНИК ИЗ ДЖУНГЛЕЙ

Как ко всякому новому человеку, к нему в посёлке внимательно присматривались. А вскоре поселковые мужики, потом и женский пол потеряли всякий интерес к приезжему. Тот в свои пятьдесят с лишним лет совсем не употреблял спиртное и – что было не менее удивительным для местных мужиков – не любил рыбачить. Росточком мал, телом тщедушен, и ко всему тому, как быстро и точно определили поселковые бабы, оставался юношески непорочным.

Эти обстоятельства в совокупности и предопределили отношение к приезжему. Мало кто теперь в посёлке принимал новичка всерьёз. В разговорах его неизменно упоминали лишь словом «художник», и это звучало как презрительная кличка, хотя звали приезжего Степаном Ивановичем.

По поручению руководства леспромхоза Степан Иванович по семь часов в день старательно покрывал красками куски фанеры, обструганные доски, листы ДСП. А для черновых эскизов он использовал обратную сторону кусков обоев, которые ему исправно поставлял жилищно-коммунальный отдел леспромхоза. Порученную работу художник выполнял медленно, но тщательно. Начальство, как обычно, подгоняло: «Надо побыстрее!» – на что Степан Иванович отвечал: «Это не дрова рубить». Горла при этом не драл и вообще имел тихий голос.

Для ускорения художественного процесса мне иной раз приходилось помогать Степану Ивановичу. В его мастерской я выпиливал нужных размеров рейки-заготовки для рамок к будущим плакатам. И накануне праздников, иных официально обозначенных в календаре дат все эти плакаты, лозунги, транспаранты, сработанные леспромхозским художником, мы вместе вывешивали в общественных местах. Так ближе и познакоми-

лись. Я даже стал бывать в его квартире. Она располагалась в длинном деревянном бараке, некогда служившим общежитием для приезжих.

По моим понятиям, его квартира походила на берлогу: углая мебель, пол с вытертой краской давно не видал мытья, по углам раскиданные в беспорядке вещи. Но, к своему удивлению, в первое же посещение я почувствовал дома у художника полную раскованность. Может, неустроенность быта закоренелого холостяка повлияла? Случалось, зайдёшь в чью-то квартиру, а в ней идеальная чистота, дорогая мебель, всюду антикварные штучки разложены аккуратно по полочкам, огромные вазы на полу. И боязнь забирает: наследишь, запачкаешь или, упаси бог, чего-нибудь заденешь, разобьёшь. В презентабельных хоромах не знаешь – присесть или стоя погостить.

Беспорядок в квартире Степана Ивановича был самым что ни на есть «художественным». Это моё удивление, вызванное представшей взгляду обстановкой, не ускользнуло от зоркого глаза художника. Степан Иванович не смутился, лишь улыбнулся и предложил посмотреть его работы. Свои произведения он выгаскивал из небольшой незапиравшейся кладовой. На кусках холста, обрамлённых самодельными рамками, большей частью были изображены пучеглазые животные и такие же птички с раскрытыми клювиками, неуклюже витающие в пространстве, цветы фантастической расцветки, лазурное небо с облачками-овечками. Художник, создавая свои картины, использовал сочные краски. Изображённые им предметы, фигуры выглядели гораздо ярче действительности. И всё это какое-то сказочно-лубочное, навеянное шутовской фантазией, неуклюжей вдобавок.

Картины совершенно не вписывались в серо-чёрный быт его берлоги. Разглядывая их, я бы ещё предавался размышлениям подобного рода, как вдруг в небольшом зеркале на стене мой взгляд случайно натолкнулся на хозяина квартиры. Пока я скептически оценивал его произведения, он, в свою очередь, пристально изучал меня. Наши взгляды встретились.

– Сегодня плохая погода, и цвет лица у вас плохой, – произнёс Степан Иванович несколько озабоченным голосом.

– А что, разве от состояния погоды зависит цвет лица? – крайне удивился я.

– Конечно! – убеждённо ответил художник. – Если погода солнечная и яркая, то лицо прямо испускает свет.

– Не замечал, – буркнул я, озадаченный таким поворотом размышлений.

Наш разговор на этом прекратился.

С той поры мы с художником не скажу что подружились, но сблизились. Степан Иванович был человеком замкнутым. К тому же сказывалась наша разница в возрасте. Если быть более точным, наши отношения стали доверительными. А потом я уехал из посёлка далеко и надолго.

Время пронеслось. Каблуки моих начищенных ботинок, как когда-то, отбивают весёлую дробь о дощатый тротуар родного посёлка. За прошедшие годы я редко вспоминал Степана Ивановича, но, когда впереди замаячила знакомая фигурка, искренне обрадовался. Надо же, какая удача! Годы не изменили Степана Ивановича. Пожалуй,точку располнел. На нём всё такой же, как и много лет назад, заношенный пиджак, серая кепка с переломленным посередине козырьком и вытертой пуговкой на маковке, брюки, безнадежно забывшие уют, расквашенные, с побелевшими ногами башмаки. Он узнал меня, но его лицо это никак не отразило. Мы сдержанно поздоровались. А дальше? Надо расходиться каждому по своим делам...

Я первым не выдержал и засыпал старого знакомого вопросами. Степан Иванович отвечал сосредоточенно, мне даже показалось, неохотно.

– На пенсии, наверное, уже? – допытывался я, так как точного возраста Степана Ивановича не помнил, но угадал. – Чем занимаетесь?

– Разным, – уклончиво отвечал мой старый знакомый, а после возникшей паузы добавил: – Сейчас вот в лес за шишками иду. – За спиной у него висел выдавший виды рюкзак. Теперь он, в свою очередь, пылливо смотрел мне в лицо и, не церемонясь, поинтересовался: – Слышь-ка, у тебя что, зубы-то передние не свои?

Я обезоруженно рассмеялся, выказывая белые коронки. Степан Иванович, довольный, хмыкнул. Возникшая было пелена недоверия спала, и наш разговор дальше пошел легко и непринуждённо. Степан Иванович сетовал на дешевизну принимаемой нынче шишки, и мы принялись горячо обсуждать все мыслимые способы её сбора. Моя память надёжно хранила детские опыты лазанья по деревьям. Стоит отметить, малопродуктивные опыты! На одних порванных штанах можно разориться.

В ответ художник тут же без стеснения стал демонстрировать мне разработанные самолично им приёмы лазанья по деревьям. Увлёкся, преобразился весь, перебирает коротенькими ручками, обхватывая ими воображаемый древесный ствол, пританцовывает ножками, как бы помогая себе вскарабкиваться выше.

Мне вдруг представилась картина: хвостатые

приматы загибаются со смеху, застав за этим занятием своего высокоорганизованного собрата, однажды рискнувшего спуститься на землю.

– Не лучше ли собирать шишки на спиленных деревьях – там, где готовят лес? – посмеиваясь, советую я.

Лязгающий шум гусениц приближающегося по дороге трактора заглушает ответ художника. Его губы, руки, ноги продолжают увлечённо шевелиться, как у киногероя из неозвученного фильма. Чтобы не сбить собеседника с мысли, я на всякий случай согласно киваю.

– ...спина болит, если собирать на земле... – сквозь удаляющийся грохот и пыль наконец прорывается его голос. – А тут лезешь на дерево, ввысь...

Степан Иванович мечтательно закатил глазки. Этот состарившийся Икар с душой юноши снова задвигал в воздухе коротенькими ручками, припомог поочерёдно ножками и на секундочку, как мне показалось в тот момент, взлетел, оторвавшись от земли.

– Правда, пешком устаёшь ходить по лесу, особенно когда за спиной тяжёлый рюкзак, – мыслями спустившись на землю, продолжал художник. – Но опять же, за спиной – тяжело, на душе – легко! – философствовал он.

Меня уколола догадка: пенсии Степану Ивановичу не хватает. Чудесным образом уловив её, он рассказал, как ему постепенно срезали заработки. В конце концов, чтобы прокормить себя, Степан Иванович забросил кисти и ушёл на физическую работу. Но и там, как видно, своё благосостояние не сильно поправил.

– Зато голова стала свободной, – со смешком заметил Степан Иванович, как бы развивая дальше мою мысль. – А то думай, какую краску наложить, как выдержать композицию. Нет, я и теперь пишу, но для души, – замолчал, с сожалением добавил: – Жаль, глаз не тот стал. Техника-то выросла заметно, а вот глаз...

Степан Иванович был самоучкой. За это над ним в посёлке поначалу пренебрежительно подтрунивали.

Я поспешил прервать грустный ход его мысли и, сам того не желая, глубоко задел Степана Ивановича:

– Выставлять свои картины не пробовали?

– Я же не молодой художник, который что ни напишет – сразу на люди выставляет, – горячо заговорил он. – Если и показывать кому, то надо, чтобы от души было написано и сработано добротное. Брала мои картины в райцентр. Сказали: пусть там повисят, потом обратно вышлем. Ме-

сяц прошёл – ни слуху ни духу. Я уж сам за ними хотел ехать. Привезли! Кой-как газетой обернуты, кучей в кузове свалены, лежат. Это же картины!!! – с придыханием воскликнул художник.

Вся его маленькая фигурка источала горечь и разочарование, словно это сегодня случилось. Он судорожно одёргивал пальцами кургузый пиджачок, нервно теребил козырёк кепки.

– Продавать не пробовали? – спрашиваю я, а сам уже всерьёз опасаясь ещё больше расстроить старого знакомого.

– Нет! – художник ломает мой взгляд буравчиками чёрных зрачков. На удивление быстро он успокоился, продолжил: – Недавно по приглашению из Н-ска приезжали художники плакаты писать. Смотрел их работы. Чувствуется, рука хорошая, а души в них нет...

Украдкой я вновь и вновь разглядываю фигурку Степана Ивановича. Как и много лет назад, передо мной всё тот же «несговорчивый» художник. Таковым его считало всё начальство.

Я уехал, и больше нам не довелось свидеться. Пришло письмо с родины. Стародавний друг среди прочих новостей писал, что творчеством Степана Ивановича заинтересовались иностранные туристы, случайно побывавшие в нашем глухом уголке. Они скупили полотна художника, назвав их, кажется, образцами наивного искусства. Цену картинам назначал Степан Иванович. Поселковые жохи потом насмехались, мол, продешевил художник с ценой. Иные в тон первым возражали:

а куда ему одному много денег? Степан Иванович после той сделки потерял интерес ко всему. Он почти перестал ходить в лес, а однажды поздней осенью вошёл в него и не вернулся. Карельский лес способен на многое. Разное думали, гадали односельчане...

Вспоминая прошлое, мне иногда кажется, что Степан Иванович с потрёпанным рюкзаком за спиной взобрался на макушку сосны и превозмог земное притяжение, унёсся в заветную даль вслед за придуманными им чудными зверушками и цветами, без которых он, как видно, жить не смог.

[1] Аконъярви – так называется часть поселка Поросозеро.

[2] Паданы – село в Медвежьегорском районе Республики Карелия.

Николай Иванович КАРПИН

родился в Республике Карелия в 1956 году.

Окончил Петрозаводский государственный университет.

Работал на производстве, в силовых структурах, офицер запаса.

Краевед, прозаик.

Пишет для взрослых и детей.

Автор десяти книг.

В 2024 г. вышла новая книга – «Поросозерский ковчег.

В проталинах памяти».

Печатался в журналах «Север», «Carelia».

